

Александр Градский:

— Хабаровчане порадовали меня, — сказал Александр Градский. — У вас хороший зритель, мне было приятно работать в таком зале. Вы понимаете, что я хочу сказать? Зал немедленно откликается на призыв о контакте. Для артиста это очень важно — найти контакт со зрителем. А я не так часто езжу с гастрольными поездками. Хабаровск — самый далекий от Москвы город, где мне довелось выступать.

Мы разговаривали с Александром Градским в перерыве между концертами. Только что со сцены звучали его песни, знакомые по записям и знакомые вовсе, песни, к которым он сам написал музыку, а к некоторым — и стихи. Не было ни студийных трюков, ни изощренной изысканной инструментальной — только гитара и вокал, только голос, взлетавший порой за пределы возможностей стереоаппаратуры, а затем возвра-

щавшийся «на землю», чтобы доверить уму и чувству слушателя самое сокровенное:

Быть таким, какой ты есть — в этом мужество и честь. Александр Градский, выпускник Гнесинского музыкально-педагогического института по классу вокала, учился затем композиции у Тихона Хренникова в Московской консерватории.

— А как случилось, что Вы осознали свое музыкальное призвание?

— По призыву родителей, — улыбается Градский. — Тогда было модно учить детей музыке, мое поколение хорошо помнит это. Позднее детей также дружно стали обучать фигурному катанию. А меня отдали в музыкальную школу на скрипку. С этого все и началось.

— В Вашем творчестве удивляет широта диапазона: Вы вводите в свои песни и ритмы рока, и эле-

менты дикселенда, и свинг, и балладный строй, и еще многое, что сразу даже не поддается определению. Что это — та же дань моде, которая провозглашает эпоху синтеза во всех видах искусства? Или потребность особых форм для самовыражения?

— В своей вокальной лирике — давайте так определим жанр, в котором я работаю, — я действительно тяготею к контрастам. Почему? Наверное, чтобы достичь большей экспрессии. И чтобы выразить себя, конечно, тоже. Мне ведь повезло, что я сам могу исполнять свои вещи. Другому приходится вкладывать в исполнителя всю душу, чтобы тот донес песню до слушателя, не расплескал, не искажил. Я не менестрель, хотя порой сам сочиняю тексты песен. Музыка звучит во мне часто независимо от слов. Но поэзия, настоящая поэзия — порой требует музыкальной оболочки, просится

в нее. Вот, — Александр раскрыл томик Китса, взял гитару. — «А что любовь? Разряженная кукла, чтоб нянчиться, сюсюкать и ласкать; вещь с лестною ошибкою в названье...». Слышите? Это рок, он возникает сам собой. Рок — и не иначе. Рок — не там, где гитары и ударные, это, если хотите, идеология контрастности. И Бетховена я готов причислить тоже к культуре рока. Мелодика западноевропейского стиха очень своеобразна, на ее основе я написал целый цикл произведений, который назвал «Утопия АГ». В основу положены стихи Роберта Бернса, Шелли, Беранже. Но и у мелодики русского стиха есть точки соприкосновения с рок-музыкой.

— Вы говорите о своих «Русских песнях»? Неприятно любители музыки знакомы с этой пластинкой.

— Да, русский фольклор, как и современная музыка, очень остро и определенно

ведет ритмический рисунок и тяготеет к форсированной силе звука. В студенческие годы я как-то даже записывал народные песни в Рязани и на Брянщине, кое-что вошло в «Русские песни» — там есть и частушки, и свадебный плач, и разбойничья песня. И эта — «Солдатушки, бравы ребятушки». А ритм — топот, выстукиваемый каблучками. Завершается все «Реквиемом» на тему революционной песни «Вы жертвою пали в борьбе роковой», с музыкальной вставкой, где мелодия «Весны священной» Стравинского и «Реквиема» Моцарта переплетается с ритмами рока, звуками движения автолюбителей, ревом истребителей, взрывами, свистом. Как и в «Утопии АГ», я стремился к философскому осмыслению темы, к диалогу со слушателем. Кроме этих произведений, у меня завершена работа над крупным циклом, составленным на основе поэзии Саши

Черного. Если «Русские песни» фольклорны, то в цикле на стихи Саши Черного я иду от стилистики модернистской, рэгайт-мамы, от эстетики начала века. Новый цикл, над которым я сейчас работаю, будет называться «Звезда полей» — так же, как один из сборников стихотворений очень ушедшего от нас поэта-современника Николая Рубцова.

— А Вы не боитесь, что беретесь за слишком сложные для эстрады вещи? Что зритель не поймет их?

— Я не считаю свои песни эстрадными в привычном значении этого слова. Кроме того, как говорится, замахиваться на малое — кулак отшибешь. Я пытаюсь на «своего» зрителя и слушателя и ему адресую свое творчество. С таким «своим» зрителем я встретился у вас в Хабаровске и рад этой встрече.

Беседу вел
С. ЛИПАТОВА.